

ГЛАВА 1

Первое впечатление

*Одиночество как состояние
не поддается лечению.*

Фаина Раневская

Сидеть на парапете дальше уже становилось неприличным. Впрочем, на Полину никто не обращал ни малейшего внимания. Людская толпа неспешно, как и положено отдыхающим, текла по набережной, неяркая, раздетая, щеголяющая обнаженными плечами, коленками, загорелыми животами.

Мимо Полины шли ноги в шлепках, сабо, сандалиях, босоножках и снова шлепках. Как правило, недорогих, с вещевого рынка. Толпа на набережной Коктебеля вообще не выглядела вызывающе дорого, как в Каннах, Ницце или итальянской Католике. Правда, нигде из вышеуказанных мест Полина никогда не бывала, так что сравнивать ей было особо не с чем. Она и не сравнивала. Она вообще не смотрела на идущих мимо нее людей.

Вот уже битых полтора часа она смотрела на море. Оно билось внизу, дышало, как живое, играло в салочки с прибрежной галькой, ласково обнимало припозднившихся купающихся и хитро подмигивало Полине, сидящей на парапете, отделяющем набережную от пляжа.

Несмотря на то что их первая после девятилетнего перерыва встреча состоялась еще вчера, Полина не могла насмотреться на море, такое прекрасное это было зрелище. Да, собираясь в Крым, она подсчитала, что не была в отпуске девять лет, и сейчас, щурясь от режущих глаза солнечных бликов, от которых вода казалась не синей, а кипенно-белой, Полина была абсолютно уверена в том, что провела эти девять лет впустую. Бездарно. Разве же это жизнь, когда не видишь море?!

Вчера, сразу после приезда, только-только расположившись в отведенном им номере гостевого отеля «Троянда», она поспешила на пляж, благо и надо-то было всего лишь перебежать набережную. Вода оказалась немного прохладной, сентябрь все-таки, но это не имело никакого значения, и Полина с разбега, не обращая внимания на острую гальку, добежала до глубины и поплыла, как полетела, вновь обретая свободу.

Сегодня с утра они уже пришли на пляж все вместе, загорали и купались. Бдительно следя за тем, чтобы Оля не сгорела, и после каждого купания намазывая ее кремом от загара, Полина немного досадовала на то, что не может остаться с морем наедине. Поэтому в пять часов, отведя маму и Олю обратно в номер, она наскоро приняла душ, натянула шорты с любимой майкой и заняла наблюдательный пост на балюстраде набережной, ведя свой не слышный никому диалог с морем.

Хотелось сидеть так весь вечер, просто смотреть на море и ничего не делать. Однако Полина понимала, что со стороны выглядит странно, поэтому нехотя слезла с

балюстрады и побрела по набережной, вертя головой по сторонам.

На ужин она не пошла. Мама с Олей вполне могли справиться сами, а ей есть совершенно не хотелось. В течение дня она три раза покупала на пляже вареную кукурузу. Дорвалась до детских воспоминаний, где сладкая горячая кукуруза, которую нужно было натирать солью и кусать от початка, жмурясь от того, что так вкусно, неразрывно связывалась с поездкой на море.

Правда, в детстве ее начинали покупать еще на полустанках, по перрону которых сновали бабульки, торгующие нехитрой снедью – рассыпчатой картошкой с укропом, малосольными огурцами и обязательной молочной кукурузой. Сейчас они приехали в Крым на машине, поэтому кукурузу Полина увидела лишь на пляже. В течение дня вдоль него ходили как минимум шесть продавцов, предлагающих домашнюю снедь, но Полине почему-то приглянулась одна женщина средних лет в шортах по колено, пропотевшей майке, косынке с козырьком, закрывающим уставшее лицо от солнца, и с дочерна загоревшими за лето руками и ногами.

– Горячая кукуруза. Креветки вареные. Мидии, рапан. Ежевика, малина, клубника. Трубочки с орехами, сладкая пахлава, – скороговоркой сообщала женщина. Смотрела выжидающе, окидывая взглядом устроившихся на пластмассовых лежаках и прямо на горячей гальке отдыхающих, и шла дальше, снова заводя свое: – Горячая кукуруза...

Почему-то при первой же встрече Полине ее стало нестерпимо жалко. И она тут же купила кукурузу, заслужив благодарный взгляд, и съела ее, обжигая пальцы. И когда

женщина пошла мимо снова, купила второй початок, а затем и третий.

– Транжира, – ворчала мама. – Надо у тебя было деньги отобрать. Ты их так за один присест потратишь. Далась тебе эта кукуруза. – И Полина не могла объяснить ей, что и кукуруза ей действительно «далась», да так, что прямо слюна выделялась при виде солнечных початков, и помочь несчастной торговке ужасно хотелось. В том, что торговка обязательно несчастна, она даже не сомневалась.

По набережной Полина шла не спеша. Торопиться ей было совершенно некуда. Справа открылся вид на памятник Максимилиану Волошину, смотрящему на вход в кассу своего дома-музея, как будто пересчитывая купивших билеты. Полине стало смешно. У стен дома расположились уличные торговцы, вернее, художники, фотографы и народные умельцы, продающие результаты своего творчества. Полина подошла, посмотрела и тихонько отошла. Работы были скучные, ничем не выдающиеся. Папа такие называл емким словом «мазня».

На секунду, не более, глазам стало щекотно и горячо от подступивших слез, но Полина тут же справилась с собой, загнав слезы обратно, туда, где им положено находиться. Думать про папу было нельзя категорически.

С момента его смерти прошел год, но Полине по-прежнему казалось, что он вот-вот вывернет откуда-нибудь из-за угла, прямо ей навстречу. Даже в коктебельской толпе она неосознанно искала его глазами, отчетливо понимая умом, что его не может здесь быть.

Толпа вокруг менялась. В ней встречалось все больше странно одетых и причесанных молодых людей с горящи-

ми глазами, в которых метался огонь творческого поиска. Полина вспомнила, что сегодня заключительный день джазового фестиваля, поехала внутренне, потому что не любила ни джаз, ни творческих личностей, и не стала сворачивать в аллею к пансионату «Голубой залив», на поле возле которого и должно было развернуться основное действие концерта.

В толпе было слишком много наркоманов. Их она всегда узнавала по лихорадочному блеску глаз и не хотела иметь с ними ничего общего. Брезговала, поэтому поспешила пройти мимо, к детским аттракционам, возле которых толпились родители с малышами. На площадке висел густой детский смех, радостный и заразительный, и глаза Полины вновь защипало. О ребенке, которого она могла бы катать на каруселях и покупать которому воздушные шарики и липкое, тающее на вечерней жаре мороженое, думать было тоже нельзя, так же, как и о папе.

Она так мечтала о мальчике, которого собиралась назвать папиным именем, Георгий, Егор, и которого потеряла еще не рожденным... Горечь утрат, на которые был так богат минувший коварный год, еще не осела, не приелась. В глубине души Полина надеялась, что ее смоет соленая, тоже чуть горьковатая морская вода и можно будет начать жить заново, не ощущая постоянной, разъедающей душу боли.

Люди вокруг снова стали немножко другими. В этой части набережной прогуливались нарядно одетые семейные пары, молодые и не очень, рядом с которыми Полина вновь остро почувствовала свое одиночество. Оглядевшись по сторонам, она обнаружила, что стоит у симпатич-

ного кафе под названием «Бочка». Деревянный настил и деревянный навес сопровождалась деревянными же столиками, а в углу в полном соответствии с названием стояла большая бочка, выполняющая, по всей видимости, роль импровизированной сцены.

Полина нырнула внутрь и заняла дальний столик под деревом, откуда можно было наблюдать за окружающими, самой оставаясь практически невидимой. Есть по-прежнему не хотелось, тем более что, заглянув в меню, Полина негромко присвистнула. Цены здесь были просто атомные.

Собираясь в отпуск и разрабатывая маршрут, она особое внимание уделила вопросам питания. В Коктебеле было полно кафешек, ресторанчиков, столовых и вареничных на любой вкус и кошелек, и основная задача сводилась к тому, чтобы выбрать максимально недорогой, но при этом качественный вариант.

Судя по отзывам в интернете, излюбленным местом для большинства отдыхающих стали столовая при пансионате «Творческая волна» и бистро «Ложка». Еще вчера Полина удостоверилась в том, что отзывы не врут. Об этом можно было судить по толпам людей, которые осаждали обе вышеназванные точки. Остальные столовые были пусты и невинны, а в этих постоянно стояли очереди. По слухам, здесь никто никогда не травился, а это было основное Полинино требование к общепиту.

До «Ложки» им было идти далековато, особенно с учетом плохо ходящей на большие расстояния Оли, а вот столовая при «Творческой волне» оказалась в самый раз. Ложки-вилки и прочая посуда были чистыми, еда достаточно вкусной, а меню разнообразным. В первый вечер,

заплатив за ужин на троих пятьсот рублей, Полина решила, что больше и искать ничего не будет. Лучшее, как известно, враг хорошего.

В «Бочке» шестьсот рублей стоило одно горячее. Даже если бы Полина была голодна, то есть бы ей сразу расхотелось. За такие-то деньги... Но к ее столику уже направлялась официантка, спастись бегством было поздно, отказываться от заказа неудобно, и, кляня себя на все лады, Полина заказала чайничек имбирного чаю за две-сти рублей.

Раскусив ее хитрость, официантка бросила на нее презрительный взгляд, но Полина выдержала его с ответной холодностью во взоре. Уж чего-чего, а твердости характера ей было не занимать, и такие мелочи, как презрение официантки, вообще не стоило принимать в расчет.

В кафе она находилась одна. Осознав этот факт, Полина снова выругала себя за неосмотрительность. Понятно же, что вечером пустыми стоят только те кафе, в которых слишком дорого. Впрочем, что сделано, то сделано, поэтому, дождавшись своего чая, Полина устроилась поудобнее.

Сидеть вот так, в кафе, пусть даже всего лишь с чаем, ей удавалось нечасто. Работая на двух работах, она редко освобождалась раньше девяти вечера, и хотя подруги частенько звали ее скоротать вечер в ресторане, она всегда отказывалась. После работы ныли не только руки, но и все тело, и, как правило, Полина мечтала лишь об одном – добраться до дома, принять горячий душ, съесть заботливо приготовленный мамой ужин и забраться в постель с книжкой или пультом от телевизора.

Днем она убирала квартиры, успевая на два, а то и на три адреса. В рюкзаке Полина всегда носила десять связок чужих ключей, потому что в качестве домработницы была нарасхват и имела ровно десять постоянных клиентов, не гнушаясь и разовых заказов. По вечерам, когда уборки заканчивались, а довольные хозяева возвращались с работы в свои чистые, прибранные ее руками квартиры, она еще подрабатывала вечерней няней. Забирала своих подопечных постарше из кружков и секций, укладывала спать малышню, родители которой решили сходить в театр или гости, помогала делать уроки, читала перед сном. Иногда, в случае необходимости, даже оставалась ночевать.

Она понимала, что ее работа совершенно непрестижна, тем более для такой умницы и красавицы, которой она с детства привыкла себя считать. Но так уж сложилась жизнь. Закончив унылый филфак, Полина ни минуты не собиралась работать в школе. Рассказывать современным деткам про Сонечку Мармеладову и искать тихую прелесть в «Медном всаднике»? Нет уж, увольте. Работа в пыльных офисах от звонка до звонка ее тоже не прельщала, а получить финансовую самостоятельность и слезть с папиной шеи, на которой и без нее умещалось слишком много народу, хотелось.

Полина была уверена, что зарабатывать деньги не стыдно любым способом, за исключением криминального. Сначала она устроилась няней к младшему брату своей подруги. Затем ее «передали по наследству» дальше. Потом Полина увидела объявление в газете о том, что тре-

буется домоправительница в загородный особняк, и так пошло-поехало. Не всем же полком командовать!

Ее жизнь ей самой напоминала бег по кругу, в котором не осталось ничего, кроме работы, чужих квартир и чужих детей. Вначале ей нравилось, что она такая востребованная, такая самостоятельная и финансово независимая. Она помнила, с какой гордостью покупала себе машину – не самую дорогую, но все-таки новую иномарку. Потом стало надоедать, потом стало невольно, а потом умер папа, и о том, чтобы бросить одну из работ, отказаться хотя бы от одной квартиры или хотя бы от одного, самого капризного ребенка, уже не могло быть и речи.

Она и малыша своего потеряла только потому, что надорвалась. И знала, что никто не виноват в ее беде больше, чем она сама. И понимала, что, повторись подобная ситуация, она снова поступила бы так же. Не на маму же было вешать задачу прокормить семью!

После смерти отца мама вообще напоминала ей маленького, потерявшегося ребенка, который бредет, не разбирая дороги, неведомо куда, смотрит затравленным взглядом, размазывая слезы по щекам, но не останавливается. В их семье все и всегда решал папа, а когда его внезапно не стало, как-то незаметно старшей в семье стала Полина. Она не сразу осознала, что вдруг превратилась из балованного, пусть и тридцатилетнего, но ребенка во взрослую, умудренную жизненным опытом женщину. А когда осознала, менять что-либо было уже поздно. Да и не хотела она ничего менять.

На деревянный помост кафе вступила незнакомка. Была она, как и Полина, совсем одна. Прошла за столик,

расположенный тоже в уголке, но ближе к улице, уселась, аккуратно разместив на соседнем стуле большую сумку, представляющую собой обычный холщовый мешок на веревке. Женщина и одета была очень просто – в длинный, бесформенный льняной сарафан. Ее единственным украшением оказались распущенные волосы – длинные, густые, блестящие, закрывающие плечи и спину почти до поясницы.

Наблюдательная Полина успела обратить внимание на ее руки – тонкие, изящные с длинными нервными пальцами и тщательно наманикюрованными блестящими ноготками. Каким-то особым, элегантным и в то же время хищным движением женщина запустила пальцы в свою гриву, повела сверху вниз, как расческой, откинула волосы назад, запрокинув гибкую белую шею.

Непонятно отчего, Полина решила, что она художница. Было в кошачьих движениях женщины что-то, наводящее на такую мысль. Никакого альбома или папки с рисунками при женщине не было, но Полина прямо видела, как она устраивается на набережной, у волошинского дома, ставит переносной мольберт и начинает быстро набрасывать морской пейзаж, причем обязательно сангиной.

«Ей не по карману есть в таком кафе, – запоздало подумала вдруг Полина. – Надо бы ее предупредить, а то постесняется уйти, как я».

Однако бежать к столику незнакомки, к которому уже подошла официантка, было поздно. Женщина с ленивой грацией пантеры открыла принесенные ей большие листы меню, быстро пробежала его глазами и сделала заказ: греческий салат, двести граммов жареной барабульки,

белую фасоль, тушенную с баклажанами и помидорами, и бокал красного вина. Ужин тянул больше чем на тысячу, но, судя по всему, художницу это нисколько не смущало. Полине стало смешно от своих мыслей.

Пялиться на незнакомку дальше уже граничило с неприличием. Залпом допив свой, уже изрядно остывший чай, Полина рукой сделала знак официантке принести счет. Его подали в маленьком деревянном бочонке. Это было стильно и довольно необычно, так что Полина поняла, отчего здесь такие цены – за выпендрож нужно платить.

Выйдя из кафе и мельком заметив, что художнице уже принесли салат, который она с аппетитом и ленивой грацией принялась есть, Полина повернула обратно. Летние вечерние сумерки уже спускались на набережную. Вдоль балюстрады зажгли желтые фонари, отбрасывающие на брусчатку причудливые тени, толпа на площадке джазового фестиваля становилась все плотнее, это Полина видела сквозь сетку забора, поэтому она ускорила шаг, прижимая к боку маленькую сумочку с телефоном и кошельком.

– Привет, ты на концерт или с концерта? – На остановившего ее долговязого, крепкого, довольно симпатичного молодого мужчину Полина уставилась с легким недоумением. – Да не смотри ты на меня так, – засмеялся он. – Мы сегодня на пляже вместе были. Я на соседнем с тобой лежаке расположился. Не помнишь, что ли?

Полина не помнила. Мало ли кто лежит на соседних лежаках! Как правило, до посторонних людей ей не было никакого дела, и, обладая природной наблюдательностью, она обращала внимание на то, что по какой-то причине

вызывало ее интерес, выбиваясь из общего серого ряда. Художница в кафе выбивалась, а держащий ее за руку повыше локтя парень – нет. Руку она аккуратно высвободила.

– Да не пугайся ты так, я ж тебя не съем. – Парень снова засмеялся, обнажив великолепные белые зубы, такие ровные, что Полина невольно подумала, что искусственные. – Ты что дикая какая?

– И вовсе я не дикая. – Она независимо пожалала плечами. – Я тебя на пляже не заметила даже. – Пренебрегая правилами приличия, она тоже обратилась к парню на «ты». По виду он был если и старше ее, то точно ненамного.

– Меня Константин зовут. Костик, – представился он. – Я тут уже целую неделю. Так что я так уже точно дикий. На пляже все сплошь бабки и дедки, не с кем словом перекинуться. А тут смотрю, ты появилась, молодая, симпатичная. Есть с кем скоротать вечеров в приятной компании.

– Ну, для этого я тоже должна убедиться, что компания приятная, – отрезала Полина. Язычок у нее был острый, и за словом в карман она никогда не лезла, так что Костик даже слегка оторопел от ее прямоты. – Но, в общем, против пляжных знакомств, – она сделала упор на слове «пляжных», – я ничего не имею. Но ты сразу имей в виду, что курортные романы в мои планы не входят. Я отдыхать приехала, а не приключения искать себе на пятую точку.

– Да ладно, я тоже не Дон Жуан, – рассмеялся ее новый знакомый. – Мне просто бы с кем-нибудь на концерт

сходить, по набережной погулять. Ничего такого, что грозит приключениями.

– Вот это хорошо. Тогда сговоримся. Меня, кстати, Полина зовут, – представляясь, она чинно сложила правую руку лодочкой.

– Красивое имя, – кивнул Костик. – Ну что, по пиву?

Еще три минуты назад никакое пиво в ее планы не входило, но сейчас Полина представила запотевшую кружку с белой шапкой пены и судорожно сглотнула.

– С рыбкой? – уточнила она.

– А как же. – Он засмеялся, снова блеснув своими шикарными зубами. – Не бойся, я угощаю. За знакомство.

– Ладно. – Полина хотела было заявить о своем пранном равноправии, но вспомнила, как мама называла ее транжирой, и решила смолчать. – Куда пойдём?

– А в «Зодиак». Была там?

– Нет, мы ведь только вчера приехали, – ответила Полина, тактично умалчивая, что в ее планы по питанию входят исключительно столовые.

– Ну вот, заодно и посмотришь. Есть будешь?

– Не буду. – Полина благоразумно решила не объедать своего нового знакомого в первый же вечер. Выглядел он открытым и располагающим к себе, но его истинные намерения в отношении ее еще следовало прояснить. Недотрогой она не была и постоять за себя умела, вот только тратить ценное отпускное время на ненужное и тягостное выяснение отношений и постылое ухаживание ей было жалко.

Кроме того, дома оставался ее верный рыцарь Серега, в гражданском браке с которым Полина прожила два

последних года. Серегу она не любила ни капельки, то прогоняла его прочь, то снова подпускала к себе, потому что других вариантов не было, а быть совсем одной, когда тебе за тридцать, вроде как и неудобно. Серега очень ей помог, когда не стало папы, поэтому последний год она терпела его присутствие рядом просто из благодарности.

В какой-то момент, когда Полина узнала, что беременна, она вдруг понадеялась, что все у них еще, может, и наладится, живут ведь люди без любви. Кроме того, Серега-то ее как раз любил, в этом она даже не сомневалась, а что ответное чувство никак не вспыхивало, так и бог с ним. Надежный, непьющий, любящий. Пусть целует, а она будет подставлять щеку.

Однако ребенок не родился, а Серега, когда она выписалась из больницы, не проявил должной печали по данному поводу. Ему нужна была Полина, а с детьми или без, не имело значения. Это равнодушие наполнило Полину отвращением, и она велела Сереге убраться из ее квартиры. Он съехал к своей маме, но продолжал с упорством идиота таскаться к ней вечерами. Выгнать его совсем у нее так и не хватило духу.

Иногда он даже оставался ночевать, но в такие дни Полина ныряла под одеяло и тут же делала вид, что крепко заснула. Спать с Серегой она не могла. Физически не могла. И понимала, что против этого уже не попрешь. Нельзя жить с человеком, к которому испытываешь телесное отвращение.

Перед отпуском она так и не собралась с духом, чтобы расстаться с ним навсегда, малодушно отложив выяснение отношений до своего возвращения. Но и свободной себя

от всех обязательств пока не считала, так что новый роман, даже скоротечный, как все курортные знакомства, ей был сейчас ни к чему.

Впрочем, Константин в кафе вел себя прилично, руки не тянул, сальные взгляды не бросал, двусмысленностей или пошлостей не говорил. Рассказывал о своей работе, да так интересно, что у Полины просто рот открывался от восторга. Работал он рекламщиком на радио и телевидении, был коренным москвичом, так что запросто кидался такими именами и фамилиями, которые Полина только в гляцевых журналах встречала, беря их в минуты короткой передышки у своих хозяев, в квартирах которых прибиралась.

Два часа пролетели незаметно, и, спохватившись, Полина виновато сообщила, что ей нужно домой. Часы показывали уже начало одиннадцатого, и она понимала, что мама уже уложила Олю, но сама не ляжет в постель до тех пор, пока старшая дочь не вернется домой.

В последнее время у мамы часто скакало давление, перед самой поездкой ее выписали из больницы после серьезного гипертонического криза, так что расстраивать ее долгим отсутствием совсем не стоило.

— Ну ладно, надо, так надо, — покладисто согласился Костик. — Тогда давай, до завтра. На пляже увидимся. А я тогда пройду до «Голубого залива», джаз послушаю.

Он не предложил ее проводить, и Полине это очень понравилось, поскольку полностью исключало возможный интим. Он действительно ничуть за ней не ухаживал, а просто проводил время, и такая форма общения ее более чем устраивала.

Мама не спала, но и не волновалась. Читала на террасе при свете настольного торшера, вокруг которого вились мотыльки.

– Погуляла? – спросила она, ласково глядя на дочь.

– Ага, прошлась по набережной, в кафе посидела, пива попила. Оля спит?

– Да, умаялась за день. Столько впечатлений, море, плавание, люди вокруг незнакомые. Ты спать пойдешь или со мной посидишь?

Полина хотела ответить, что с удовольствием посидит, но вдруг почувствовала, как на нее стремительно наваливается сон. Глаза вдруг наотрез отказались открываться, ноги и руки налились свинцовой тяжестью, в голове зашумело.

– Спать, – вяло пробормотала она, махнув рукой и отчаянно зевая. Добрела до комнаты, кое-как стащила шорты и майку и, как была в нижнем белье, упала на свою кровать, успев лишь перед тем, как провалиться в забытье, отметить, что Оля ровно и спокойно дышит во сне.

ГЛАВА 2

В эпицентре скандала

*Ты молод всегда или никогда.
Настоящая молодость – состояние
непреходящее. Поэтому
молодость – это судьба.*

Татьяна Друбич

Утром на пляже Полина поймала себя на мысли, что с раннего утра вертит головой, пытаясь высмотреть Константина. Однако его все не было.

Попутно она невольно обращала внимание на других обитателей пляжа, расположившихся поблизости от нее. Три лежака их семьи располагались у самой стены, отделяющей пляж от набережной, в тени под тентом. Ни маме, ни Оле находиться под палящим солнцем было совсем необязательно, сама Полина тоже опасалась сгореть, в этом году у нее не было возможности позагорать даже на даче, поэтому кожа ее была не просто белой, а даже с синеватым отливом, встречающимся у людей, особенно замученных работой.

Следующая линия лежаков тоже располагалась в тени. Перед Полининым носом то и дело мелькала аккуратно подстриженная голова весьма интеллигентного мужчины в очках с тонкой оправой. Пробираясь мимо него к воде и обратно, Полина все силилась понять, кого он ей напоминает, а потом вспомнила – писателя Чехова! Мужчина был очень похож на знакомый каждому со школьных

лет портрет Антона Павловича. Правда, бородки у него не было.

«Чехов» спокойно лежал, читая какую-то книжку, периодически ходил купаться, смешно балансируя на острой гальке и, как цапля, вскидывая ноги при ходьбе. Никакого интереса к окружающим, включая Полину, он не проявлял. Лишь несколько раз бросил задумчивый взгляд на неуклюже пробирающуюся мимо него Олю, но тут же отворачивался, не выказывая ни любопытства, ни столь привычной для их семьи брезгливости, в отличие от шумной компании, состоящей из двух подруг с маленькими детьми, расположившихся слева от него.

Подруги – одна фигуристая, с зазывной татуировкой вдоль выступающего позвоночника, а другая, несмотря на совсем молодой возраст, расплывшаяся бесформенной тушей, – демонстративно шикали на своих малышей, не позволяя им приближаться к Оле. Всем своим видом они давали понять, что их коробит такое соседство.

Любящая детей Оля тихо и светло улыбалась детишкам – мальчику и девочке лет трех, но в разговор не вступала и на молодых мамаш смотрела с легким испугом. Этот постоянный испуг, не исчезающий из Олиных глаз никогда, если она бывала на публике, наполнял душу Полины бессильным и холодным бешенством. Но изжить его было трудно, практически невозможно, живя в стране, в которой так называемая «доступная среда» существовала лишь на бумаге.

Неподалеку расположилась еще одна семейная пара – муж и жена лет под пятьдесят. Интеллигентного и, как отметили Полина, довольно обеспеченного вида. Худощавый

мужчина в таких же стильных и тонких, как у «Чехова», очках читал какую-то книжку на английском языке, его жена – статная, светловолосая дама с короткой стрижкой и в смешной, практически детской панамке, лежала на гамаке, прикрыв глаза и не обращая на окружающих никакого внимания.

Новый появившийся на пляже персонаж привлек внимание Полины. Накачанный парень лет тридцати в темных офисных брюках и яркой «гавайской» рубашке, пошатываясь, брел по гальке, не очень уверенно лавируя среди лежаков, но все-таки целенаправленно пробираясь к кромке моря.

Дойдя до цели, он неловко опустился прямо на камни. В какой-то момент Полина вдруг испугалась, что он сейчас завалится лицом в воду и захлебнется. Но парень удержал равновесие, сел, согнув ноги в коленях, позволив морской воде лизать его лакированные черные ботинки, уронил голову на сложенные на коленях руки и застыл неподвижно, как заснул.

С парнем что-то было явно не так. Полина вспомнила, как после смерти отца плакала мама, рассказывая, что, когда отцу, находящемуся на берегу озера Селигер, стало плохо, ни один человек не поспешил к нему на помощь. Решительно встав с лежака, она подошла к парню и положила руку ему на плечо:

– Вам плохо?

Парень поднял голову и устремил на Полину мутный, ничего не выражающий взгляд.

– Лариса? – спросил он, и надежда, промелькнувшая в его голосе, тут же угасла. – Нет, не Лариса. Ты... То есть вы кто?

– Я никто, – терпеливо ответила Полина, – точнее, я кто, но это не имеет значения. Вам плохо? Помощь нужна?

– Нет. – Лицо парня вдруг приобрело осмысленное выражение, но тут же снова стало сонным. – Мне не плохо. То есть мне плохо. Но в другом смысле. Не надо помогать.

До Полины донесся крепкий запах алкоголя. Водочный дух она не любила с детства, поэтому с отвращением отвернулась и даже головой потрясла, чтобы отогнать противный аромат.

– Так вы пьяны просто, – резко сказала она, отпустив его плечо. – То есть вам плохо, и вы напились, чтобы вам стало хорошо? Вынуждена вас разочаровать: не станет.

– Не станет, – покладисто согласился парень, бросил полный тоски взгляд на море и снова уронил голову на сложенные руки.

– Ну что ты лезешь, что тебе до всего дело есть? – спросила вернувшуюся на место Полину мама.

– Помочь хотела, – ответила та. Мама лишь досадливо махнула рукой.

Пьяный парень еще примерно с час просидел на самом солнцепеке. Полина вольно или невольно поглядывала в его сторону, опасаясь, что он получит солнечный удар, упадет в обморок и все-таки захлебнется. Наконец парень кое-как встал, пошатнулся, ступил в воду, которая тут же залила его щегольские ботинки и намочила край тяжелых, не по-летнему плотных брюк, чертыхнулся, снова накренился, уперся руками в берег, принял вертикальное положение, с легким недоумением посмотрел на свои мо-

крые, грязные ладони, вытер их о рубашку и, качаясь, побрел к лестнице, ведущей с пляжа на набережную.

Вахту сдала! Полина даже облегчение испытала от того, что ей больше не надо присматривать за бедолагой. Убедившись, что мама увлеченно отгадывает кроссворды, а Оля уткнулась в свою любимую, зачитанную уже до дыр книжку, она побежала купаться.

Заплыв довольно далеко от берега, гораздо дальше того расстояния, на котором заканчивались буйки, она перевернулась на спину и блаженно зажмурилась от солнца. Сколько себя помнила, она все время мерзла. Даже летом в их средней полосе ей регулярно бывало холодно, а уж каждая зима и просто воспринималась как вызов ее теплолюбивому организму. Зиму нужно было пережить, переболеть, перетерпеть, в качестве средства утешения думая о теплом, ласковом южном море. Мыслями и мечтами о нем она согревалась долгие девять лет, точнее, зим и сейчас, внутренне улыбаясь, думала о том, как предстоящей зимой будет перебирать не затертые до дыр старые воспоминания, а свежие, еще сохранившие запах соленой воды и крымских кипарисов, образы.

Лениво бултыхая ногами и руками, она как будто впитывала в себя всю мощь согревающего ее сейчас солнца, всю лечебную силу поддерживающей ее, как пушинку, морской воды и то невероятное ощущение пьянящей свободы, которое дарует только удачно проводимый отпуск.

Возвращаться к берегу не хотелось. Более того, с берегом, точнее, с пляжем было связано тонкое, едва ощутимое, взявшееся ниоткуда чувство тревоги. Полина пы-

талась проанализировать (она все и всегда подвергала самому строгому анализу, чтобы докопаться до первопричины), чем оно вызвано, но так и не смогла.

Солнце светило все так же безмятежно, морские глубины совсем не выглядели опасными, ей было хорошо видно и Олю, аккуратно заходящую в воду в надетом на талию большом ярко-зеленом надувном круге, и маму, которая неотрывно шла следом. Все было совершенно обычно, как всегда, но тем не менее от предчувствия какой-то неведомой опасности у Полины даже ноги и руки покрылись мурашками.

Перевернувшись на живот, она поплыла к берегу, пытаясь заставить замолчать звучащий в мозгу сигнал тревоги. Из космоса он, что ли, шел, в самом-то деле...

Выйдя на берег, она яростно растерлась большим махровым полотенцем, чтобы унять неведомо откуда взявшуюся дрожь.

«Я просто в воде замерзла, — твердо сказала она сама себе. — Вода все-таки уже не то чтобы летняя, если по полчаса в ней находиться, то, естественно, замерзнешь».

Третий ряд лежаков находился не в тени, а на солнце. Бросив полотенце, Полина прошла к ним, чтобы хоть немного согреться. Впрочем, лежаки все были заняты, поэтому она просто встала спиной к солнцу, невольно вновь разглядывая «соседей», только теперь уже спереди, а не сзади. Перед «Чеховым» расположилась семья — мужчина и женщина средних лет с девочкой лет пятнадцати. Мама и дочка изредка ходили купаться, а вот усатый отец семейства с маской и ластами, как уже успела заметить Полина,

исчезал в море минимум на сорок минут, каждый раз принося небольшой «улов» — ракушки и блестящие камушки, которые азартно показывал окружающим.

Наплескавшаяся в воде Оля, которой надоело плавать вдоль берега туда-сюда, вышла на сушу и, как и была, в своем ядовито-зеленом надувном круге, таком ярком, что от него рябило в глазах, теперь пробиралась к лежаку и вдруг увидела кучку раковин, тут же забыв, куда шла, и застыв в восторге.

— А-ку-и, — громко закричала она и приложила ручки к своим круглым красным щечкам. — По-я, иди у-да, тут а-ку-и. Хо-у пас-ма-еть.

«Ракушки, Поля, иди сюда, тут ракушки, хочу посмотреть», — автоматически перевела Полина и подошла поближе.

— Оля, не приставай к людям, — укоризненно сказала она, беря сестру за руку и пытаясь сдвинуть ее в сторону их лежаков. Но Олю было трудно сбить с панталыку, если она что-то вбила себе в голову.

— А-ку-и, — отчаянно заголосила она.

— Да пусть посмотрит, — благодушно сказал усатый мужчина и улыбнулся, блеснув золотыми зубами. — Мне же не жалко.

Он поднял самую крупную раковину и на ладони протянул ее Оле, которая даже взвизгнула от радости. Молодые мамы — фигуристая и толстая — раздраженно засопели.

— Я тоже хочу акушку, — заявил сын одной из них. — Мама, можно я тоже схожу к дяде посмотреть?

— Нельзя, — безапелляционно ответила толстая.

– Почему-у-у? – заныл мальчишка. Полина уже успела заметить, что он избалован и капризен сверх всякой меры.

– Потому что ты – не идиот, как некоторые, – отрезала мамаша и победно посмотрела в сторону Оли и стоящей рядом Полины.

– Он – не идиот, – согласно кивнула головой последняя. – Идиот тут вы, точнее, идиотка. – Полина никогда-никогда не позволяла никому обижать Олю, глаза которой уже налились слезами. – И ваш возраст уже не оставляет даже призрачной надежды, что вы когда-нибудь поумнеете. – Она критическим взором окинула бесформенную тушу и безжалостно добавила: – Впрочем, как и похудеете. Так и останетесь глупой, никому не нужной матерью-одиночкой.

Мамаша захватала ртом воздух, отчаянно пытаюсь найти какой-нибудь срочный, не менее оскорбительный аргумент, но удар, нанесенный в больное место, уже достиг цели, отбивая способность думать, поэтому она лишь опустилась на свой лежак и залилась слезами под любопытными взглядами окружающих. В глазах ее стройной подруги Полина увидела отблеск плохо скрытого торжества. Видимо, отношения между двумя дамами описывались словосочетанием «заклятые друзья».

– Возьми себе ракушку, – негромко сказал усатый дядька, обращаясь к Оле. – Я тебе ее дарю.

– Па-и-ба. – Сестренка улыбнулась так счастливо и лучезарно, тут же забыв недавние слезы, что Полина тоже благодарно улыбнулась усатому. По всему было видно, что человек он хороший.

– Иди в тени. – Она подтолкнула Олю, и та аккуратно пошла к последнему ряду лежаков, по дуге обходя мамаш с детьми и испуганно косясь в их сторону. В кулачке она сжимала драгоценную раковину.

– Спасибо вам, – сказала Полина, проводив сестру глазами и убедившись, что она благополучно добралась до места. – Ей правда в радость.

– Да ерунда какая, я ж еще выловлю. – Мужик пожал плечами. – Это у берега их нет, а подальше заплывь, там, на глубине, – сколько хочешь. Так что не берите в голову. Меня, кстати, Андрей зовут, мы из Томска.

– Полина. – Она коротко кивнула, понимая, что более церемонное представление неуместно между полуголыми людьми на пляже. – А вы здорово плаваете.

– Да, у нас-то для этого особо время не выбрать. – Он засмеялся. – Есть неподалеку озеро, большое, глубокое, Песчаное называется. Вот мы летом, когда выдаются выходные, туда всей семьей ездим. Так там теплее восемнадцати градусов вода почти никогда и не прогревается. Двадцать – за счастье.

– Б-р-р. – Полина передернула плечами. – Я бы в такую воду даже и не залезла бы.

– Да мы привычные. – Андрей засмеялся. – Но на море действительно лучше, вот я и ныряю без усталости.

– Вы каждый год на море ездите? – Полина и сама не знала, зачем ведет этот разговор. Но просто повернуться и уйти ей было неудобно.

– Нет, что вы. У меня по роду службы отпуск всегда зимой. За пятнадцать лет летом всего второй раз дали.

– А кем вы работаете? Если не секрет, конечно.

– Да никакой не секрет. Я – парашютист-пожарный, мы лесные пожары тушим. Авиалесоохрана. Слышали?

– Про авиалесоохрану да, – кивнула Полина, – а вот про то, что в ее составе парашютисты есть, признаться, нет.

– Ну а как же. – Андрей даже удивился немного. – Если мы по воздуху к месту очага возгорания добираться, то вниз-то как попасть? Десантники по веревкам, есть у нас и такое подразделение, а мы с парашютом прыгаем.

– А воду где берете?

– Какую воду? – не понял он.

– Ну, для тушения огня.

– Полина, – Андрей засмеялся, вновь блеснув золотом зубов, – кто же лесные пожары водой тушит, вы что? Это же глупость безумная. Когда дом горит, да, в центр очага возгорания воду льют. А в лесу или в тайге надо отбивать кромку зеленых насаждений, чтобы пожар дальше не перекинулся.

– Как? Отбивать? – глупо спросила Полина.

– Преимущественно лопатой. Мы спускаемся к месту пожара и начинаем окапывать. Иногда несколько дней в лесу проводим. С собой у нас вода, продукты. Хотя бывает, что все это кончается. Помню, как-то на болоте воду брали и через кепку процеживали. Думал все, понос обеспечен, а нет, не заболел никто.

Жена Андрея посмотрела на Полину, как показалось той, с некоторым недовольством.

– Ой, – спохватилась она. – Извините, заболталась я тут с вами, а за ракушку еще раз спасибо.

Отвернувшись от Андрея и его семьи, она наткнулась на полный неожиданного интереса взгляд «Чехова».

– Пойдемте купаться, – вдруг предложил он.

– Пойдемте, – несколько ошарашенно согласилась Полина, которая уже полностью согрелась.

Он легко поднялся с лежака, отбросив в сторону книжку. «Дина Рубина. Русская канарейка», – успела прочитать Полина и внезапно огорчилась, что не читала.

В полном молчании они зашли в воду и поплыли вдоль натянутого каната, отделявшего плавательную зону от дорожки для катеров, водных мотоциклов и бананов.

– Оля – это ваша сестра? – спросил «Чехов», нарушая молчание.

– Да. – Полина тут же внутренне ощетинулась, готовая дать отпор собеседнику, скажи он дальше что-нибудь нелицеприятное.

– У нее диагноз-то какой? На синдром Дауна не похоже. – В его словах почему-то не крылось нездоровое любопытство. Он спрашивал так же естественно, как дышал, как плыл.

– У нее нет синдрома Дауна, – спокойно ответила Полина. – Она нормальна в плане умственного развития. Отстает, конечно, немного. Но это из-за отсутствия социализации. Иногда ведет себя как ребенок. Но вообще-то все понимает. От этого, впрочем, еще хуже. Представляете, как ее расстраивают словесные уколы, подобные сегодняшнему.

– Да уж, представляю. К сожалению, большинство людей совершенно лишены такта.

– У Оли ДЦП, родовая травма. И еще волчья пасть, знаете о таком заболевании?

– Знаю. Расщепление нёба.

– Вы врач? – Полина посмотрела на него с интересом.

– Нет, отнюдь. Просто довольно много читаю.

– В общем, в детстве она перенесла несколько операций, так что может нормально есть, вот только с дикцией остались проблемы. И ДЦП у нее не в самой сильной форме. Нарушена координация движений. Она может упасть на ровном месте. Ходить на большие расстояния ей тяжело. Вот, пожалуй, и все. Она очень наблюдательная, читать обожает. А такие вот моральные уродки говорят, что она идиотка.

Полина вдруг почувствовала, как в глазах у нее набухли слезы. Не успев удивиться этому обстоятельству (не в ее привычках было рассупониваться перед посторонними), она вдруг и впрямь заплакала, роняя крупные капли прямо в море.

– У-у-у, как мокро, – необидно засмеялся «Чехов». – Дождь над морской пучиной. Я понимаю, Полина. Это, наверное, очень тяжело, постоянно держать внутреннюю оборону, чтобы не дать сестру в обиду. Но вы сильная, вы справитесь.

– Откуда вы знаете?

– Что вы сильная? Так по вам это сразу видно.

– Нет, что меня Полиной зовут.

– Вы рядом со мной знакомились с этим пожарным из Томска, – напомнил «Чехов». – Сказали, что вас зовут Полиной. Я запомнил. Впрочем, так же, как и то, что его зовут Андреем.

– А вас как зовут? А то в нашем положении есть некоторое неравноправие.

– О, вы – феминистка? – Он снова засмеялся и, перевернувшись, лег на спину. – Позвольте представиться, меня зовут Никита.

– Ой, а я почему-то думала, что Антон, – ляпнула она и тут же схватила себя за язык.

– Потому что я на Чехова похож? – Он снова перевернулся и поплыл рядом с ней. – Да ладно вам, не смущайтесь. Мне все про это говорят.

– Ну, слава богу, – облегченно вздохнула Полина. – А то я вначале подумала, что у меня что-то с головой. Увидеть на пляже незнакомого безбородого и безусого мужика и втемяшить себе в голову подобное сравнение.

– Да еще и практически голого, – захохотал он. – Чехов в плавках и пляжных шлепанцах. Действительно, на шизофрению смахивает. Ладно, поплыли к берегу, а то вы опять замерзнете, как в прошлый раз. А сестру вашу, пока мы вместе на этом пляже, я не дам в обиду, так что можете расслабиться. Ей лет-то сколько?

– Двадцать пять.

– А вам?

– Тридцать один. – Полина поняла, что попалась в коварно расставленные силки и засмеялась: – Вообще-то вы не очень-то вежливы.

– Что есть, то есть, – покладисто согласился он. – Но я обещаю исправиться. Мне, кстати, тридцать шесть, раз уж мы за равноправие.

Он не попытался помочь ей выйти из воды, и это порадовало Полину так же сильно, как вчерашнее решение Ко-

стика не провожать ее до дома. С этими двумя мужиками можно было просто общаться, коротая время в отпуске, который в компании мамы и Оли не обещал быть особо веселым. А так хоть какое-то, а разнообразие. И не пристают при этом. О большем и мечтать не приходится.

Она вставляла ноги в шлепки, как вдруг на весь пляж раздался истощный визг Оли. На раскрытой ладони сестра держала подаренную ей раковину и громко визжала. В несколько прыжков Полина преодолела расстояние от берега до лежака, краем глаза отметив, что «Чехов», то есть Никита, бежит рядом с ней.

По лестнице, ведущей с набережной, быстро спускалась перепуганная мама, несущая два вафельных рожка с мороженым.

– Оля, что? – Полина успела первая и успокаивающе взяла сестренку за руку.

– Там, там. – Глаза у Оли были выпучены, и она судорожно тыкала пальцем в ракушку, из которой высунул голову небольшой моллюск с острыми рожками-антеннами. – Она ы-вая.

– Ну, конечно, живая, – согласилась Полина, переводя дух. Подбежавшая мама тоже выдохнула и без сил упала на свой лежак, испытывая острое облегчение от того, что ничего страшного не случилось. – Это же моллюск, Оля. Ты же читала про них в книжке. Они живут в таких раковинах. Это их дом, как у улитки, понимаешь?

– А-ни-маю. Я о-юсь.

– Не бойся, моллюски же не кусаются, – терпеливо говорила Полина, обняв сестру за плечи. – Смотри, какая у него мордочка прикольная. Ты его, поди, тоже напугала.

Он сидел себе в домике и знать не знал, что ты на свете есть. А тут вылез, тебя увидел, а ты как заорешь. Что он подумал?

– Он не о-зет у-мать, – серьезно сказала Оля. – Не ы-ловек.

– Не человек, – снова согласилась Полина. И, покосившись на сидящую неподалеку полную мамашу в красных пятнах на зареванном лице, не удержалась и добавила: – Хотя и человеки не все могут думать.

– Вы, Оля, этого моллюска не бойтесь, – вдруг вступил в разговор Никита, и Оля перевела на него взгляд, потрясенная тем, что к ней обращаются на «вы». – Давайте положим его на лежак, чтобы он действительно отдохнул от пережитых волнений, а я вам расскажу про действительно страшное морское чудовище, которое, по легенде, обитает в этих местах. Хотите?

– А-чу.

– Тогда давайте присядем. Это довольно длинная история.

Оля с блестящими глазами уселась на свой лежак. На его краешке примостилась и неожиданно заинтригованная Полина. Никита же сел рядом с их мамой, убедился, что аудитория готова беспрекословно ему внимать, и начал свой рассказ.

Легенда о морском змее

Вот уже много веков моряки, выходящие в море под флагами разных стран, рассказывают страшные истории о своей встрече с Карадагским чудовищем.

Первый рассказ об огромном змее, обитавшем в Черном море, принадлежал Геродоту. За несколько сотен лет до нашей эры он описал монстра темно-серого цвета, имеющего змееподобное туловище, мощные лапы с острыми когтями и несколько рядов акульих зубов. Горе было тому кораблю, который встречал его на морских просторах. Чудище передвигалось по морю на огромной скорости, легко догоняя парусные суда, гребцы на которых старались изо всех сил, чтобы уйти от смертельной погони.

Древние византийцы называли морского змея Парфирием. Более пятидесяти лет держал он в страхе всю Византию, нападая на торговые суда. Император Юстиниан даже объявил щедрое вознаграждение тому, кто поймает Парфирия, но все усилия были тщетны, змей всегда уходил от погони или вступал в неравную для ловцов битву.

В перерывах между нападениями на суда змей питался дельфинами, которых истреблял с особой жестокостью. И вот однажды в море выследил Парфирий стаю дельфинов, заглотил сразу несколько штук в свою огромную пасть, а остальных начал преследовать.

Дельфины бросились к берегу, чтобы найти защиты у людей. Парфирий за ними. Не рассчитав своих размеров, подплыл он слишком близко к мелководью и застрял в придонном иле. Увидели люди, что плещется в море огромный змей, пытаясь освободиться, бросились к нему, обвязали веревками, закололи кинжалами, зарубили топорами и вытащили на берег тушу, которая достигала пятнадцати метров в длину и пяти метров в ширину.

После убийства чудища спокойно стало в море, однако в шестнадцатом-восемнадцатом веках турецкие морепла-

ватели, вернувшиеся из походов, начали сообщать своему султану, что вновь видели морского змея в водах Черного моря.

Довелось повстречаться с ним и морским офицерам, служившим под командованием адмирала Ушакова. Поспешили они направить доклад о том, что хозяйничает в Черном море огромная морская змея. Император тут же велел снарядить экспедицию, чтобы изловить неведомое чудовище.

Несколько кораблей с учеными на борту вышли в Черное море. Чудовища за время плавания экспедиция, впрочем, так и не встретила, зато нашла в скалах Кара-Дага огромное яйцо. Внутри его находился зародыш, похожий на маленького дракона, а весило яйцо аж двенадцать килограммов. Научные исследования и споры вокруг него были прерваны Крымской войной, и долгие сто лет о Карадагском чудовище ничего не было слышно. Только легенда о чудовище передавалась из уст в уста, пока в 1990 году бригада рыбаков не установила в районе Лягушачьей бухты у подножия Кара-Дага сеть для ловли электрических скатов. Проверять сеть спустя пару дней, обнаружили они останки дельфина, хвостом запутавшегося в порванной сети.

Живот дельфина был откушен вместе с ребрами. Пасть напавшего на него чудовища достигала не менее метра в ширину, а следы от зубов в длину составляли пять сантиметров. Зрелище повергло рыбаков в такой ужас, что они отрезали сеть, бросили ее в лодку и поспешили покинуть Лягушачью бухту.

– ЛЮДМИЛА МАРТОВА –

Спустя год еще один обезображенный дельфин попался в сети. Новая бригада оказалась не столь впечатлительна, поэтому захватила тело дельфина и привезла его в научный институт, расположенный прямо в заповеднике Кара-Даг.

Но вот незадача — холодильник, в котором дельфина решили сохранить до приезда ученых, внезапно отключился, и туша испортилась. Остались только рисунки мертвого дельфина со следами острых зубов неведомого существа. Однако до сих пор науке неизвестен ни один обитатель Черного моря, который мог бы оставить такие отпечатки. Вновь заговорили о Карадагском чудище, которое обитает в Черном море неподалеку от Коктебеля. И вновь сотни искателей приключений, выходя в море, надеются на встречу с ним, чтобы войти в историю.

ГЛАВА 3

Морская прогулка

Дорогие женщины! Прежде всего вас не должно покидать чувство юмора по отношению к мужчине. И все будет хорошо.

Алла Пугачева

Сегодня Полина собралась на морскую прогулку. Два предыдущих дня она наблюдала с пляжа, как мимо проплывали две маленькие, но гордые деревянные яхты — «Алые паруса» и «Ассоль», держа курс на Кара-Даг.

На набережной громогласная женщина средних лет, которую, судя по бейджу, звали Татьяной, активно зазывала на морскую прогулку на сказочной яхте каждый раз, как Полина шла мимо. Краем глаза она замечала, что люди останавливаются, что-то уточняют, но с покупкой билета не спешат, обещая подумать.

— Только билет у меня купите, — просила им вслед Татьяна, — у нас же сейчас времена такие, каждый ищет, как копейку заработать. Вы подумайте и возвращайтесь ко мне, я вам билетики выпишу и на яхту сразу позвоню, чтобы места вам забронировать. Хорошо?

— Хорошо-хорошо, — торопливо и не глядя в глаза отвечали люди. Полина понимала, что они вряд ли вернуться за билетами, которые действительно продавались на каждом шагу. Каждые пятьдесят метров стоял или сидел на разложенном стульчике продавец или продавщица би-

летов, которые настойчиво пытались всучить поездку на яхте, или прогулку верхом, или рыбалку, или пеший поход на Кара-Даг.

Так уж получилось, что мимо Татьяны она ходила чаще всего, поскольку сидела та в аккурат на повороте с улицы Ленина, где и располагалась столовая «Творческой волны». Поэтому минимум четыре раза в день, а то и чаще, поскольку по набережной туда-сюда ходить приходилось постоянно, Полина слышала это торопливое: «только ко мне возвращайтесь», и каждый раз ей становилось отчего-то очень жалко Татьяну, у которой никто ничего не покупал.

Сегодня утром, по дороге с завтрака, она решительно купила билет на «Алые паруса», которые отправлялись с причала «Алма» в четырнадцать часов.

«Удобно, – подумала Полина. – Утро проведу на пляже, потом сходим пообедать, верну маму с Олей на лежаки, сама покатаюсь на яхте, а часам к четырем приду за ними на пляж».

Поход на завтрак ознаменовался еще одним событием. Прямо напротив входа в столовую находились ворота элегантного и стильного Дома писателей. Белый дом, напоминавший корабль, выглядел на узкой и заросшей давно не стриженными тисами улочке как инородное тело. На его территории, как гласила реклама, располагалось манерное и жутко дорогое кафе, мощенная плиткой дорожка вела к арт-галерее, носившей странное название «Подзаборники», территория по вечерам освещалась фонарями с мягким желтым светом.

Дом писателей выглядел дорого и респектабельно. В день приезда, выбирая, где бы им остановиться, Полина даже сунулась туда на ресепшен, однако номер стоил четыре тысячи в сутки, поэтому она предпочла «Троянду», где комната обошлась им всего в тысячу с копейками. Шиковать им было не по карману.

Тем не менее каждый раз, проходя мимо зеленых ворот, рядом с которыми на бывшей клумбе чья-то невидимая рука выкладывала из камушков сегодняшнее число, она с легкой грустью смотрела на дом-корабль, мечтая о том, как бы славно ей здесь отдыхалось.

И вот сегодня, вставая в столовой в очередь, хвост которой по обыкновению кончался на улице, она вдруг заметила, как из ворот Дома писателей вышел вчерашний «Чехов», то есть Никита. Шел он расслабленно и уверенно. По всему было видно, что он-то как раз живет здесь, в одном из самых престижных отелей Коктебеля, если, конечно, верить интернету.

«Он, наверное, писатель, – вдруг подумала Полина. – Вон он как вчера интересно рассказывал легенду про морского змея. Мало того, что Оля, так даже я заслушалась. Сразу видно, что речь у него связная, истории он излагать умеет и живет здесь, и на Чехова похож. Точно, писатель. Ой, как интересно. Никогда в жизни с живым писателем знакома не была!»

Оля сегодня почему-то копалась дольше обычного, поэтому, когда Полина в раздражении доставила свое семейство на пляж, Никита уже был там, впрочем, как и Костик. Сияя своей бесподобной улыбкой, он по-хозяйски похлопал по лежаку рядом со своим.

– Полька, привет, – радостно закричал он. – Располагайся. Потеряла меня, поди, вчера? А я на Ай-Петри ездил. Ух и красота там.

Полине почему-то показалось, что Никита как-то поскучнел, завидев бурную радость Костика, но она тут же решила, что этого не может быть. В конце концов, они были едва знакомы, и вряд ли писателю было какое-то дело до нее и ее взаимоотношений с весельчаком Костиком.

– С чего бы мне было тебя терять, – все-таки довольно прохладно сказала она. – А что на экскурсию съездил, так молодец. Красиво там, наверное.

– Умопомрачительно, – согласился он. – Я уже восьмой раз в Крыму и обязательно каждый раз туда езжу. Ощущения непередаваемые. Идешь по веревочной дорожке, справа пропасть, слева пропасть. Супер!

– Не уверена, – пробормотала Полина, которая боялась высоты.

– Я вообще считаю, что в отпуске нечего сиднем сидеть, обязательно надо путешествовать, на экскурсии ездить, – громогласно продолжал Костик, мало заботясь о том, что его мнение может быть не всем интересно. – Пузо греть на пляже много ума не надо. Нужны новые впечатления, тем более что в Крыму для этого все есть. Вот вы, – обратился он к Никите, – на Ай-Петри были?

– Не был, – с усмешкой ответил тот.

– Вот я и говорю. Леня всем. А надо себя перебарывать, работать над собой. – Он снова оглушительно захотал.

– А я сегодня на морскую прогулку еду, – вступила в разговор Полина, у которой возникло острое желание защитить писателя от нетактичного Костика. – На «Алых парусах», уже и билет купила.

– Да ну, это же неинтересно, – с готовностью переключился на нее Костик. – Довезут до мыса, пару бухт покажут, две легенды расскажут, с палубы в море бултыхнут на две минуты и вернут обратно. Тоже мне – приключение.

– А ты был, чтобы рассуждать? – закусив губу, спросила Полина.

– Да был, конечно. Знаю, о чем говорю.

– Ну вот, видишь, а я не была. Так что предпочитаю делать выводы на основании собственных впечатлений.

– А на сколько вы билет купили? – спросил вдруг Никита. – Я бы, признаться, тоже сплавал, а вдвоем веселее.

– На два часа. – Полина весело рассмеялась, увидев теперь уныние на лице Костика. Тот попал в расставленный собой же капкан. После пренебрежительного отзыва о морской прогулке он уже никак не мог заявить, что поедет вместе с ними.

Утро тянулось своим чередом. Появились подруги-машки, одна из которых бросила на Полину полный ненависти взгляд. Пришел пожарный Андрей со своим семейством, подождал, пока жена с дочкой искупаются, и, прихватив ласты и маску, исчез в море.

– По-я, он мею изт? – шепотом спросила Оля, дернув старшую сестру за руку.

– Что? – не поняла она.

– А-эй и-эт мею?

– Какую змею? А-а-а, ты имеешь в виду змея, – догадалась Полина. – Ты думаешь, что Андрей ныряет, чтобы поймать морское чудище, про которое вчера Никита рассказывал?

– Ага. – Глаза сестренки светились лукаво.

– Нет, он просто ищет ракушки, такие, как тебе вчера подарил. Нет тут никакого змея, это все легенда. Ты же знаешь, что это такое. Читала.

– Мея нету, а эльфины эсть?

– Дельфины есть, – согласилась Полина, и вдруг, будто в подтверждение ее слов, метрах в двадцати от берега дугой выгнулся над поверхностью моря красавец-дельфин. Как горячий нож в масло вошел в воду и снова взлетел над ним, и снова нырнул, заставив пляж вздохнуть в едином восхищении.

– Боже мой, дельфины, – закричала Полина, забыв, что она уже не маленькая восторженная девочка, а тридцатилетняя, замученная жизнью серьезная особа, везущая на своей хребтине воз ответственности за всю семью. – Оля, мама, Никита, Андрей, Костик, смотрите, дельфины! Настоящие! Боже мой, какие же они красивые!

– Тут дельфинарий есть, – прямо над ее ухом сказал неизвестно как оказавшийся рядом Никита. – Слышите, Полина? Раз вы так любите дельфинов, то сходите обязательно. Вам понравится представление. И Оле тоже.

– Схожу, – пообещала Полина, поворачиваясь к нему. Дельфина уже было не видно. Он скрылся, напуганный быстро проехавшим поблизости водным мотоциклом, и она вдруг испытала острое чувство потери. – Но вообще-то не думаю, что мне понравится в дельфинарии. Там они в

неволе. И их нестерпимо жалко. Это же просто чудо какое-то, а не существа.

– Если нам повезет, то сегодня на морской прогулке мы их обязательно встретим, – улыбнулся Никита. – А вообще я с вами согласен. На воле им гораздо лучше.

Яхта уверенно рассекала морскую гладь. Волн не было, поэтому деревянную посудину почти не качало. Полина сидела на носу с правого борта и без усталости фотографировала открывающийся вид на знаменитые бухты Кара-Дага – Лягушачью, Северную и Южную Сердоликовые, знаменитую Разбойничью, где, по словам экскурсовода, когда-то лихие разбойники прятали награбленное в глубокой пещере, возникающей в скале прямо из моря.

– Интересно, а сейчас туда залезть можно? – спросила она у Никиты, который тоже смотрел по сторонам, впрочем, вполне равнодушно, не разделяя ее азарта.

– Можно, наверное, – ответил он. – Такая яхта к берегу не подойдет, большая слишком, а на маленьком катере подплыть поближе и попробовать исследовать пещеру вплавь вполне себе вариант.

– Интересно же, – конфузливо сказала Полина, немного стесняясь своего детского интереса. – Тут же и опалы встречаются, и аметисты, и пестроцветные яшмы. Вон, в лавочках на набережной сколько украшений, они же все отсюда.

– Хотите поохотиться за сокровищами? – Никита хитро прищурился, и в его глазах, отражающих солнечные блики на воде, вдруг запрыгали чертенята. – Что ж, давайте попробуем нанять быстроходный катер. Только, чур, не бояться. Приключения так приключения. Хорошо?

– Договорились, – засмеялась Полина. Ей очень нравилась морская экскурсия. Теплый ветер обдувал ее уже тронутые загаром плечи. Капитан, он же экскурсовод, одну за другой показывал каменные фигуры, прячущиеся в скалах, Лев, Воин, Сфинкс, Слон, целый сонм лягушек, Сокол, Чертов камин, Иван-разбойник, и Золотые ворота, когда-то называвшиеся Чертовыми – Шайтан капу, которые и были конечной целью их недолгого путешествия.

Впрочем, вблизи ворота оказались совсем неинтересными, на картинке они выглядели гораздо заманчивее. Посредине моря торчала скала со сквозной дыркой посередине. И все. На жарком летнем солнце она вовсе не выглядела золотой, скорее какой-то пегой.

– Золотится она только при определенном освещении, – будто услышав ее внутренние сомнения, сказал ей в ухо Никита. – Например, на рассвете, когда солнце только встает. Или на закате. Правда, чтобы это увидеть, смотреть нужно с определенной точки – с дикого пляжа, расположенного у подножия скалы Льва. Только оттуда свет, преломляясь, дает иллюзию золота. Знаете, за счет чего это происходит?

– Нет. – Полина покачала головой, как замороженная слушая его тихий, словно бархатный голос.

– Все просто и обыденно. Скала эта покрыта желтым лишайником. Он-то и светится на солнце. Правда, я думаю, что сейчас нужный цвет и на рассвете-то не увидишь.

– Почему?

– Потому что скала изрядно загажена птичьим пометом. Тут, на Кара-Даге, самая большая природная популяция краснокнижного хохлатого баклана. Он тут гнездится